
Грязный закат.
Сука.
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Лисса Морган

Грязный закат, сука

«Автор»
2026

Морган Л.

Грязный закат, сука / Л. Морган — «Автор», 2026

Ей восемнадцать. Её жизнь только что разбилась об развод родителей — и она переехала из Чикаго в Сан-Диего с чемоданом злости и апатией по полкам вместо книг.Она хотела одного: чтобы этот чёртов город оставил её в покое.Город не согласился.Он — сын человека, который владеет половиной побережья и ни одного сыновнего «я тебя люблю» не получил бесплатно. Холодные карамельные глаза, гранёные скулы и талант делать вид, что ему всё плевать. Он называет её дрянь. Она называет его хамло. Оба врут. Она — находка, которую он забрал себе ещё в первый день и не отдаст никому. Ни городу, ни отцу, ни самой судьбе. Особенно судьбе.Кража, ссоры, ревность, полустена-полу-постель — они царапают друг друга так, как умеют только те, кто боится, что без ненависти останется пустота. Это не история о том, как плохой парень спас хорошую девочку. Это история о том, как две сломанные заготовки отказались быть кем-то удобными — и нашли друг друга в самой грязной воде этого мира.

© Морган Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Погружение 6
*** 9
Глава 2. Между небом и волнами. 10
*** 12
*** 17
Глава 3. Город, где мы нашли друг-друга 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Лисса Морган
Грязный закат, сука

Глава 1. Погружение

Примечание

Грязный ромэнтэшн о том, как два никому не нужных ребёнка научились быть нужными друг другу. !!! Осторожно: содержит грубость, правду, два очень упрямых характера, ненормативную лексику, попытки суицидального характера и много всего интересного, о чем предупреждают в дисклеймерах.
Лисса Морган

Лекси
Казалось бы, нет ничего проще, чем задать вопрос.
Так почему же мы его не задаем? Все просто. Мы боимся показаться глупыми.
Но глупых вопросов не бывает.

И вот, я стою на самом краю. Тридцать два метра пустоты под пятками. Ветер лижет щиколотки, будто уговаривает: «Да ладно, детка, чего ты мнёшься?»

Закрыв глаза, я глубоко вдохнула. В этом вдохе я почувствовала, как океан внизу дышал. Медленно, спокойно, верно. Как будто ему было насрать, прыгну я или сдамся и буду еще год глотать свои «а вдруг». Я оглянулась. Скалы вокруг – серые, старые зубы, обглоданные прибоем. Ни звука, кроме волн и собственного сердца, которое безудержно отбивало ритмы, неприятные, касающиеся висков, словно их вот-вот порвет. Но они не рвались. Они.. бились ровно. Вот это и было страшнее всего: не страх, а его отсутствие.

Погружение. Полное, проклятое, стерильное спокойствие - как в операционной, только оперируют меня саму. И я, как дура согласилась.

Миловидное лицо. Ярко-серые радужки, глядя в которые, видишь то ли туман, то ли свод серых облаков. На губах помада – не нюд. У меня и так слишком нюдовые губы. Это багрово-бледный цвет. Такой же бледный, как моя кожа – светлая, прозрачная белизна, сквозь которую видны жилки на запястьях. Точеные синие вены. Темные веснушки, рассыпанные по скулам, как брызги кофе. Каштановые волосы чуть выше плеч – на концах вьются, сейчас лезут в лицо, в глаза. И, боже, мне плевать. Белая просторная рубашка, подвязанная узлом на животе – флаг безумия. Джинсовые шорты – то, в чем я вылетела из клуба, как ошпаренная. Я – героиня, которая не читала инструкцию по выживанию. А зачем? Инструкции – для тех, кто сомневается.

Это мое решение. Осознанное. Выстраданное. Чистое, как первый вдох.

И тут - толчок.

Мир лопается. Тридцать два метра – это не высота, это целая жизнь, сжатая до трех секунд. Гравитация хватает за пятки и дёргает вниз, как хозяин, ждущий у двери. Рубашка взмывает вверх, волосы вьются уже не на концах, а целиком. Ветер орёт в ушах на все корки, и я падаю.

Свободное падение. Поймите – свободное. Ни расписаний, ни чьих-то ожиданий, ни этих жирных, надоевших, пахнущих нафталином проблем, что жрали изнутри годами. И тут – как гром средь неба, словно пощечина от судьбы, которая вдруг расхохоталась: А ведь они вообще ничего не значат!

Ни одна. Ни единая. Весь тот багаж, что я тащила на горбу – пыль, фантики, дерьмо из бумажного пакета. Осознаю это только сейчас, на скорости, летя к воде. И вдруг захоте-

лось смеяться, от боли, от страха, от всего, что доставляло проблемы последний сезон. Это и есть паническая атака? Истерика, непонимание что делать, осознание того, что тебя загнали в тупик. Я хотела крикнуть, но не успела.

Двадцать метров до воды. И – тут колит в груди. На краю обрыва, там, где пару секунд назад стояла я — появляется он. Мой кёрт. Тим. Прибежал, видно, как задыхается, как сорвался на край и мечется головой, влево-вправо, туда-сюда, ищет. Ищет меня. И тут смотрит вниз.

Ох. Да ладно?

Что-то в груди ломается – не сердце, что-то тоньше, струна какая-то. Паника не приходит – паника врывается, вышибает дверь с ноги, хватает за горло. Но не по моей воле. Не по сценарию. Я хотела упасть и почти получилось, глядя вниз. Но поздно, тело уже не мое, оно отнялось чертовски не вовремя. Глаза гаснут, как экран, на котором никто не успел сохранить черновик.

Мир выключается.

Впереди – темная вода, прибой. Шесть секунд полёта, и Тим наверху, который опоздал ровно на один порыв ветра.

Дальше Лекси падала без сознания. Красиво падать – её научила жизнь. Падать без свидетелей – сама.

Вот-вот вода встретит её, но не как противника, а как старую знакомую – молча. И если бы кто-то в этот момент заглянул в её голову, там было бы написано всего одно слово: спокойствие. Оно, кстати, осталось.

Ему хватило ровно секунды.

Секунда, в которую жизнь делится на «до» и «после того, как эта идиотка прыгнула».

Лекси летела вниз – белая рубашка, распахнутая ветром, как парус, как крыло, как прощание. И он стоял на краю и ненавидел её. Чисто, честно, без примесей. За этот прыжок. За то, что не позвала, не оставила записку, смску, не удосужилась хоть на секунду подумать, что найдётся кто-то, кому её исчезновение пробьёт дыру в грудной клетке. «Какая же ты дрянь, Лекси». Какая же ты красивая, дрянь.

Ненавидел он её, положим, секунды три. Потом мозг, обманув сердце, заставил действовать. Он побежал, попутно снимая пиджак, и швырнув его на землю, тот упал, как мёртвый. И Тим побежал.

Не к краю. В самое сердце этого безумия. Он оттолкнулся от скал со всей своей дурацкой, отчаянной силы и полетел за ней. Она падала первой. Но он падал быстрее. Гравитация никого не выбирает, но тяжелому парню с гнилыми легкими, полными дыма и злости, внизу повезёт больше.

Тридцать метров. Двадцать. Воздух орал в ушах. Он не молился – он успевал только злиться. Десять. Пять. Он раскрыл руки, как ловец, который поймал не девушку, а собственную судьбу, и замкнул её в кольцо своих рук.

Три метра.

Он успел.

Обнял её.

И вот тут тишина кончилась – но она не вернулась. Океанская гладь встретила их вместе: два тела, одно сердце, оглушительный всплеск, который был слышен на другом конце света. Береговая вода вспыхнула брызгами – белыми, высокими, злыми. Шум в голове глушил всё: крики, прибой, собственное имя. Гул. Статика. Смертельная громкость.

А потом – тишина. Мёртвая. Как после последнего аккорда, когда неясно, продолжается ли песня или просто закончилась.

Тим вытащил её на берег. Едва не захлебнувшись – сам, на секунду уйдя под воду с этой ношей, – он выполз на камни, бешено дыша, как выброшенная на сушу рыба, и кроил её оскорблениями так щедро, как ни разу в жизни.

– Идиотка! Сумасшедшая, ты вообще в курсе, что ты сделала?! Ты хоть понимала, что…

– Что, что, ЧТО!

Что слова не имели смысла, имели значение лишь хрип и надрыв в них. А затем он прижал её к себе. Так сильно, как можно прижать человека, которого пять минут назад ненавидел всем сердцем, а теперь чуть не похоронил.

– Черт, Лекс, ты будешь жить.

Закрыл ей нос. Наклонился. Рот-в-рот. Вдох, счёт. Один, два, три. Массаж сердца. Вдох, счёт, массаж. По кругу. Как молитва, которой он не верил. Как пароль от её жизни, который он пробовал подобрать наугад, ладонями и губами.

И тогда она открыла глаза.

Резко. Вскочила. Откашлялась – солёная вода вылетела из неё веером, залив Тима, скалы, весь его героический день. Она кашляла, дышала, жила – злым, шумным, настоящим. Чуть придя в себя, она подняла взгляд на него.

Исподлобья. Через мокрые волосы, облепившие лоб. Губы ее чуть дрогнули, уголок поднялся в привычной манере, при виде Тима.

– Знакомый уголок, – отметил Тим, отдышавшись, с облегчением взглянув на нее. Она смотрела В саркастической насмешке, будто не она две минуты назад прыгнула с тридцати двух метров, а он дважды за день сыграл в театре абсурда, выскочив за ней.

И тут она смеётся.

Сначала – тихо. Потом – громче. Истерически. Соль на губах, вода в лёгких, скалы и ветер вокруг – и этот смех, дребезжащий, надтреснутый, красивый и единственно правильный в этом мире. Смех человека, который только что подорвал свои амбиции, но остался. Который думал, что убегает, но услышал в тишине, как дышит.

Тим смотрел на неё – мокрый, злой, но счастливый до тошноты – и понимал, что ей плевать на спасение, на правила, на то, как это выглядит со стороны. Но не плевать на него.

Она просто смеялась. Впервые – за всю эту чёртову жизнь – смеялась по-настоящему.

– Идиот, – с хрипом и слегка откашливаясь попыталась произнести, но получилось очень тихо, вода, которая комом встала в легких, не дала силы на большее. – Тебе жить надоело?

– А ты решила меня одного оставить?

– Прекращай молиться по утрам, а то реально когда-нибудь оставлю.

– И что теперь?

– Ненавижу этот вопрос… Сознание уже почти пришло в себя, а осознание происходящего накрыло с еще большей скоростью. По телу пробежали мурашки, оставляя колкий осадок.

Мы пялились друг на друга в гробовой тишине, которую прерывало лишь учащенное дыхание и редкое биение волн о скалы. Спустя пару минут, Тим сплюнул остатки воды и посмотрел на меня, выдохнувшись. Мой взгляд притупел и упал на берег. И тут он подошел и аккуратно, почти трусливо, смахнул прилипшую прядь волос с лица. Недолго думая, я коснулась его пальцев своими, затем полностью ладонью, где он оставил леденящий душу след.

– Иди сюда.

Не выстояв, он обхватил меня за талию и, повалившись на камни, усадил меня сверху. Я ненавижу, когда он знает, что я не смогу отказать ему. Больной придурок, но мой.

Мой. Стойким гулом с последней болью в висках это слово беспощадно звучало. А затем боль стихла. Я чувствую его мягкие, теплые губы на своих, и время покажет, почувствую ли снова. А пока я наслаждаюсь.

***

Три месяца назад. Первое июня.
Сан-Диего.

Чикаго остался за спиной вместе со всем, что я знала. Мама сказала: «Новая жизнь». Папа сказал: «Так будет лучше для всех». И оба врали так убедительно, что чуть не поверила даже я. Развод – красивое слово. Юридически. По факту – это когда двое взрослых разрывают на части дом, а тебе достаётся половина сломанного.

Мне восемнадцать, исполнилось. Недавно. И я не просила переселять меня на другой край страны, не просила выбирать, с кем из них жить по чётным, а с кем по нечётным, и с кем жить в принципе. Но кого это волнует, верно

А потом Дилан. Боже — «Лекси, ты изменилась». Нет, мудила, изменился ты – уехал в колледж и полюбил телефон, пока я тут разгребала ваш семейный цирк. «Мы не сошлись характерами». Четыре года, и «не сработались». Он даже не пришел прощаться. Отправил сообщение. Сообщение, чёрт бы его взял.

И вот я стою у новой квартиры, где пахнет чужой краской и корицей — в этом городе всё пахнет корицей, — и понимаю: меня больше нет. Была Лекси — паинька, отличница, девочка с длинным хвостиком и надеждой на вместе навсегда. Осталась Лекси со шрамом на брови, еле видной татуировкой на плече и взглядом, от которого бабушки на улице отводят глаза. Стресс — лучший стилист, между прочим. Сделал мне образ без консультаций.

Мама в квартире раскладывает коробки и делает вид, что у неё всё под контролем. Папа уже неделю "на работе". Друзья из Чикаго присылают сердечки.

— Хмм.. миленько.

Дилан онлайн и молчит. А я? Я смотрю на океан — да, он тут, прямо за дорогой, как назло, и думаю: красиво. Идиотски красиво. Как будто специально.

Месяц назад я бы заплакала. Сейчас же я иду в свою новую пустую комнату, запираю дверь, включаю музыку на полную и раскладываю по полкам не книги, а то, что у меня осталось: злость и апатию. Равных пропорций.

Добро пожаловать в Сан-Диего, Лекси. Наслаждайся.

1 Кёрт - В молодёжном сленге и русском рэпе слово «кёрт» (от англ. curt — грубый) иногда используется для обозначения человека, который проявляет неприличное или грубое поведение. Также встречается в названии трека рэпера BadCurt «Кёрт, я тебя люблю».

Глава 2. Между небом и волнами.

Лекси

Комната. Белая, просторная и до звенящего пустая. Мебель обещают завтра, а пока мой личный космос — это четыре стены, пол, кровать и я посередине. Очень символично, спасибо.

После раздела имущества мама подумывала переехать к брату — он живет в Вирджинии и с теплом бы принял нас, но что-то в ней щёлкнуло, и она почти наугад выбрала Сан-Диего. Мы переехали в двухэтажный дом на берегу океана. В моей комнате есть один из двух балконов. Я вышла, чтобы оценить обстановку, и он оказался открытым: перила — белый мрамор, прохладный под ладонями. Дешёвого фарфора понатаскали. И вид. Чёрт бы его взял, вид: дорога, огибающая набережную, пальмы и… Океан. Кривые позёры — пара прибрежных баров, кафешка, жилые дома, солнце — вечером неспешно садящееся в воду, как будто ему есть куда возвращаться.

Небо сегодня рдеет. Ярко-красное, с редкими багровыми облаками, размазанными по небу, как кровь по хирургу. И мягкие зефиры — так это называется в стихах, по факту это просто «сквозняк», но поэты имели право на вранье.

Я стояла там, облокотясь на мрамор, и думала: вот бы сюда пуфик. Вот сюда бы старую жизнь. Впрочем, даже один из них мне не светит.

— Лекси!

Мама. Голос снизу, из кухни, где она воюет с коробками. С другой стороны, её я наизусть могу нарисовать: «Переезд — это новый старт». «Ты привыкнешь за неделю». «Папа не может оставить свою работу, Лекси, мы с тобой теперь команда». Мама — бывший театрал. Она — Элеонора Эмерсон, выдающаяся по меркам Чикаго актриса. Играла почти восемь лет в нашем театре искусств, и её харизме позавидует любой профессионал. Театр по факту — это красивая, но ложь. А там, где тебя учат лгать, нужен очень сильный талант, чтобы самому не начать верить в нереальное. Я люблю маму и чувствую вину за то, что в последнее время не оказываю ей поддержки. Но я устала быть заложником её собственной боли, поэтому срываюсь.

Как она сказала? Команда. Точно. Она выигрывает бой с картонными коробками, я — с желанием зарыться в них и остаться в Чикаго.

— Иду! — крикнула я и спустилась.

— Красивый закат, правда? — Элеонора поднимает голову от скотча. Она почти улыбается. — Ты хотя бы посмотрела с балкона?

— Посмотрела.

— Так это же прекрасно, Лекси! Ты можешь наконец дышать морем, а не выхлопами. Поверь, через месяц ты сама скажешь мне спасибо.

Спасибо. За то, что меня выдрали из школы, из города, от Дилана, из меня самой, — чтобы она могла дышать морем. Потому что у неё, кроме этого переезда, вообще ничего не осталось. Ибо папа пакует чемодан уже третий месяц, а мама пакует город.

— Мам, — сказала я ровно, — я не просила переезжать. Я не просила менять школу. Я вообще ни о чём не просила.

— Лекси, прошу, не начинай.

— Я и не начинала. Я закончила.

— Милая, пойми, тебе всего восемнадцать лет, ты ещё не до конца понимаешь, как устроен мир…

— Понимаю одно: в этом мире всё решают взрослые, а платят дети. Отличная система. Можно подписываться?

Элеонора выпрямилась и втянула воздух. Готовлюсь к лекции о «взрослых решениях», глава первая: «Папа не виноват».

Не сегодня.

Я схватила с подоконника ключи и вышла. Дверь за мной закрылась легко и вежливо — у дверей, в отличие от людей, манеры есть.

***

Улица пахла солью, жареным луком и чужим счастьем. Я шла по набережной без цели — просто ноги несли, я не до конца осознаю, почему так произошло. Они были в браке почти двадцать лет, и всё было хорошо. По крайней мере, я в это верила и не видела дальше своего носа. Я шла, лишь бы маршрут был подальше от маминого голоса. Так я и набрела на бар.

Прибрежный, веранда открытая, неоновые вывески — розовые, голубые, дешёвые и наглые. Доски для серфа напрокат выстроены у входа, как швабры после уборки. Волейбольные мячи валяются где попало, и один срулил мне под ноги от порыва лёгкого ветра. Я пнула его в угол, за что-то своё, личное и зашла внутрь. Музыка попсовая, гремит через динамики так, будто у диджея сдача с гонорара. За парой столиков — кальяны, дым ползёт к потолку лениво, как всё здесь.

Бармен — парень с дредами и скучающим лицом — глянул на меня, потом на часы, потом снова на меня. Ловко. Так и запишем: первый в этом городе, кто хоть что-то заметил.

— Голубую лагуну. Безалкогольную.

— Точно без? — уточнил он, с интересом глянув на меня.

— Точно. Мне и так хватает проблем с головой.Он усмехнулся и налил. Стакан светился неоново-голубым — под стать вывескам. Я отдала ему купюру и пошла с напитком на пляж. Пить его здесь среди дыма и громкой музыки не хотелось — хотелось воздуха.

Пляж — в ста метрах, песок тёплый, ещё держит дневное жаркое тепло. Я скинула кроссовки и пошла к воде, глотая сладкий напиток и глядя, как океан переваривает красное небо.

Знаете, что самое смешное? Весь этот пейзаж — закат, зефиры, неон — красив. Просто некому смотреть. И впервые за день я чуть не расплакалась. Чуть. Но у меня теперь характер — как у этого бара: шумный, дешёвый и никому не нужный.

Я сидела на берегу, поджав под себя ноги, и смотрела, как океан дожёвывает закат. Голубая лагуна закончилась — осталась только мокрая соль на пальцах и пустой стакан, который теперь нужно вернуть. Хорошая компания: море и я. Оба молчим, оба ничего не ждём.

И тут мимо прошли двое.

Первым я заметила того, что повыше. Брюнет. Футболка обтягивала его так бесцеремонно, что оставалось только позавидовать её смелости: под ней угадывалось тело, над которым явно работали — не для зеркала, а для кого-то. Может, для себя. Может, для мира. Красиво — точнее не скажешь.

Он приблизился, и я рассмотрела детали. Скулы — чёткие, гранёные, будто их вытачивали не природой, а злостью. Ровный нос. Губы правильной формы, верхняя чуть меньше нижней — та самая асимметрия, которую художники рисуют нарочно. И волосы — тёмные, растрёпанные морским ветром, и от этой растрёпанности он был только красивее. Несправедливо.

А потом — глаза. О боже, глаза. Ярко-карие, почти карамельные. Тёплые, сладкие, манящие — как та карамель, что тает на языке, если позволить себе хотя бы один кусочек.

Только взгляд — ледяной. До мурашек. Как будто эти карамельные глаза принадлежали кому-то другому, а ему достались по наследству вместе с этой наглой красотой. Он посмотрел сквозь меня — не на меня — чёрт, и пошёл дальше, как будто я была частью пейзажа. Волны, песок, девочка на берегу. Ничего нового.

За ним семенил друг — блондин, чуть пониже. Всё в нём было мягким: лицо, голубые глаза, походка, пляжный наряд — шорты и сланцы, шлёпавшие о песок в такт какому-то внутреннему ритму. Он улыбнулся мне краем губ — мимолётно, вежливо, по-жизнерадостному, — и они оба ушли в тот самый бар, к неоновым вывескам и кальянам.

Я осталась сидеть.

Красивый — пренеприятнейший. Милый — слишком мягкий, как еда без соли. И вот такое, значит, теперь водится в Сан-Диего.

Странное дело: впервые за день что-то в груди шевельнулось. Не боль — просто любопытство, забытое, как старый билет. Я даже усмехнулась: карамельные глаза, ледяной взгляд. Худший сорт человека. Самый опасный для девочек с характером.

Я снова посмотрела на море. Небо почти потухло, и в этом было что-то честное.И тут из мыслей меня вырвала знакомая мелодия, из бара. Я поднялась, отряхнула песок с шорт и посмотрела на стакан в руке. Он был пустой, липкий от сладкого сиропа, и теперь его нужно было вернуть в бар. Можно, конечно, оставить его здесь, на песке — кто-то уберёт. Но я не из тех, кто оставляет за собой мусор. И потом — повод ещё раз пройти мимо этих двоих, посмотреть, так ли они хороши вблизи неонового света, как на закате. Так, для себя, из чистого любопытства.

Я надела кроссовки, не зашнуровывая, и пошла обратно к бару. Музыка стала громче, воздух гуще — дым, разговоры, смех на грани истерики. Бармен с дредами как раз освободился: убрал за кем-то бокалы, вытер стойку и теперь смотрел в мою сторону с таким видом, будто ждал именно меня.

Поставила стакан на стойку с глухим стуком.

— Спасибо. Всё было вкусно.

Он не убрал стакан. Вместо этого взял его, покрутил в руках, будто оценивая, и посмотрел на меня долгим взглядом. Дреды падали ему на глаза, и он смахнул их небрежно, как занавеску.

— Ты здесь новенькая, да? Раньше не видел тебя, я бы запомнил. Оценивающе пробегаясь взглядом, он остановился в районе живота, где был узелок от подвязанной рубашки.

— Запомнил бы что? — я приподняла бровь.

— Всё, — он усмехнулся. — Таких, как ты, здесь нечасто встретишь. Слишком… чистая. Белая девочка с севера, приехала к океану.

Я не понимала, комплимент это или оскорбление. Скорее второе, но с привкусом первого — так обычно и бывает в барах у моря.

— Мне просто нужен был напиток. Спасибо ещё раз.

Я хотела уйти, но он вышел из-за стойки. Не быстро, не резко — просто вышел, и вдруг оказался рядом, слишком близко. От него пахло ромом и кокосовым маслом.

— Подожди. Не убегай. Ты даже не сказала, как тебя зовут. Может, я хочу знать, кого мне вспоминать, когда буду закрывать бар.

Его рука легла на стойку рядом с моей ладонью. Не прикоснулась — но обозначила дистанцию. Точнее, её отсутствие.

— Может, тебе стоит вспоминать не меня, а своих клиентов, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Их у тебя, наверное, много.

— Клиенты — это работа, — он наклонился чуть ближе. — А ты — это… — он прищурился, будто подбирал слово. — Отдых.

Что-то в его тоне, во взгляде, в этом наклоне стало противно. Я почувствовала, как внутри поднимается холодная волна — не страх, а какое-то омерзение пополам с инстинктом «беги».

— Дай пройти, — сказала я тихо.

— Я не держу, — он пожал плечами, но не сдвинулся с места. — Просто поговорим. Ты такая напряжённая. Расслабься, мы же на пляже.

И тут я поняла: не сдвинусь. Он стоял так, чтобы я либо протискивалась боком, либо просила по-настоящему. Мерзкое, тихое насилие вежливости.

— Серьёзно, отойди.

— Или что? — он улыбнулся. — Позовёшь маму?

Я уже открыла рот, чтобы ответить — не знаю, что именно, что-то злое и громкое, — когда за моей спиной раздался голос.

— Она сказала: отойди.

Бармен поднял глаза, и его улыбка погасла — не полностью, а как-то недоуменно, будто он не ожидал, что в этом баре кто-то может вмешаться.

Я обернулась.

Брюнет. Тот самый. Стоял в двух шагах, руки в карманах, и смотрел на бармена сверху вниз — не потому, что был выше (хотя был), а потому, что так умел. Рядом переминался блондин, и в его голубых глазах читалось что-то среднее между «давай уже уйдём» и «ладно, если надо, я помогу». Хотя о чем я думаю, такому бравому парню явно помощь не нужна.

— Фишер? — бармен выпрямился, расправил плечи.

— Я с ней разговариваю, не с тобой.

— Уже нет, — брюнет сделал шаг, и вдруг стало тесно. Не физически — воздух стал теснее. — Она попросила отойти. Ты не отошёл. Всё просто.

— Слушай, иди своей дорогой. Она не с тобой, и я тут работаю, у меня всё под контролем.

— Я вижу, как ты работаешь, — брюнет усмехнулся, и это была не злая усмешка, а какая-то ленивая, почти скучающая. — Прямо как профессионал. Бармен сделал первое, что делают мужчины, когда их прижимают к стене словами: потянулся руками. Не ко мне — к брюнету. Грубо, по-пляжному, за ворот футболки.

Это было ошибкой.

Брюнет перехватил его руку — быстро, резко, я даже не успела моргнуть. Он охнул, попытался вырваться, и тогда брюнет толкнул его, так что он отлетел спиной к стойке, звякнули бокалы, кто-то за соседним столиком лениво обернулся.

— Эй, — сказал блондин, тот самый друг, который шел в шаг с ним по пляжу, но как-то неуверенно, — Тим, хватит.

Тим. Значит, его зовут Тим. Коротко, жёстко — подходит.

Бармен потерял контроль над своими движениями. Теперь они принадлежали явно не ему. И от этого он злой, слегка в садинах, потянулся к чему-то под стойкой. Я не знала к чему, и не хотела знать.

Тим стоял над ним, так элегантно, без всяких усилий. Можно было рассмотреть его напряжённые мышцы рук, напряженные так, будто он боролся не с барменом, а с самим собой, и в его лице не было ярости. Только холод. Тот самый ледяной взгляд, который я запомнила на пляже, — теперь он работал. И это было страшнее любого крика. Он был сильным. Чертовски силён.

— Тим, — блондин шагнул ближе, — серьёзно, хватит. Оставь его.

— Чёрт — его грудь вздымалась.

Тим не слушал. Он схватил бармена за ворот, и тогда я поняла: он не остановится. Он сильнее. Он может бить — и будет, потому что в его глазах не было границы. Только лёд. И он только сильнее сжал его рубашку, чем почти лишил воздуха бедолагу.

Я не знаю, что на меня нашло. Может, страх. Может, злость — на всех сразу: на маму, на папу, на этот город, на бармена с его липкими руками, на Тима с его самопровозглашённой миссией. Может, просто инстинкт: остановить то, что выходит из-под контроля.

Я шагнула вперёд и ударила.Ладонью, открытой, по щеке — звонко, как в кино. Тим замер. Бармен замер. Блондин замер с открытым ртом. Я сама замерла, глядя на свою руку, которая только что сделала это.

Тим медленно повернул голову. На его щеке горело красное пятно — отпечаток моей ладони. Он посмотрел на меня, и в его карамельных глазах я наконец увидела что-то, кроме льда. Что-то похожее на… узнавание? Или это просто игра света?

— Какая же ты красивая, но дрянь — Чуть поразмыслив он выдал это с достаточной легкостью. Он отпустил бармена, и тот, не устояв на ногах, плюхнулся на пол.

Я стояла, до конца не поняв, что только что произошло. Несколько секунд он просто смотрел на меня. Не зло — хуже. С интересом. Как будто я была задачей, которую он не мог решить.

— Ты что, серьёзно? — голос низкий, ровный. — Жить надоело, или у тебя комплекс героини…

— Ты бы его убил, — сказала я, и голос всё-таки дрогнул, но уже не от страха. — Ты не останавливался. Он уже лежал.

— Он первый полез.

— Я видела. И видела, что ты мог остановиться, но ты не захотел. К тому же, он полез далеко не к тебе.

Тим молчал. Челюсть дёрнулась. И в этом молчании было что-то такое, от чего у меня внутри всё сжалось — не от вины, а от странного, неуместного, нового чувства. Он был зол. По-настоящему зол — не на бармена уже, а на меня. И на что-то ещё, чего я не видела.

— Он хотел тебе помочь, — подал голос блондин, потирая рукой затылок — Тим вообще редко лезет. Просто.. — он замялся.

— Просто Заткнись, Марк. — Перебив, Тим влезает и смотрит на друга так, словно он выдал его самый худший секрет.

— Просто не любит, когда так.

— Я не просила, — отрезала я. — Ни его, ни тебя.

— Тим, — Марк взял его за локоть. — Пошли. Хватит. И они уже собирались уйти.

— Ох, погоди. Эта находка не заслуживает так просто уйти от сюда.

— Эй, дрянь. Он обратился почти крича.

Ко мне?

— Ты совсем ошалел? — Его наглости явно не было предела.

— А ты, может, научишься отвечать за свои поступки? Это тебе не Чикаго, здесь так не принято.

Его слова резанули. «Не Чикаго». Как будто он знал. Или это просто совпадение?

— Откуда ты знаешь, что я из Чикаго? — спросила я, чувствуя, как по венам разливается адреналин.

— Какая разница, откуда она? — Вдруг вклинился Марк в разговор, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Не надо делать из этого драму. Не сейчас.

— Здесь не делают драму, Марк — он поднял руки, жестом показывая свое поражение. Голос Тима стал чуть тише, угрожающим, он медленным шагом подошел ко мне, и наклонившись к моему уху, почти касаясь его начал шептать. Теперь ещё больше нёс в себе холод.

— Здесь просто не любят, когда кто-то ведет себя так, будто он лучше других. Или как будто ему всё можно.

О, да. На лице заиграла победная ухмылка. Сказав это, он врезался своим стальным взглядом в меня. Я ощутила укол. Это было слишком похоже на то, что я слышала от родителей, когда они ругались.

Его слова, сказанные с таким спокойствием, задели глубже, чем грязный тон бармена.

Я посмотрела на него исподлобья, и встретившись взглядом, поджала губы. Слишком близко, я чувствовала приятный, дорогой парфюм. Сладкий, отдавал чем-то знакомым, ванилью? Нет, карамелью, параллельно с морским бризом, чем-то солёным, и боже, меня сейчас явно накроет. Я уставилась на его чертовски самодовольное лицо. — Какого хрена? Что этот болван возомнил о себе, и почему он думает в таком ключе обо мне.

— Я не считаю себя лучше кого-то, — выдохнула я. — Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Оставь её, Тим — сказал Марк, и повернувшись посмотрел на меня. — Не видишь, она тут не в настроении для твоих детских разборок. Пошли.

Но Тим уже не мог остановиться, слишком быстро разгорячился от гнева, и было что-то еще, похоже на.. Удовольствие?

— Вижу, совсем не до разборок. — Тим выпрямился, убрал руки в карманы, и ледяной взгляд вернулся, только теперь он был не злой, а пустой, колючий. — Извини, что помешал. Дальше разбирайся сама. С такими, как он, — он кивнул на бармена, который уже поднимался, вытирая губу и глядя на нас тёмными глазами, — ты справишься. Судя по всему, ты вообще всё умеешь сама.

Слышалась издевка, словно он обесценил мои способности.

— Разберусь. Иди ещё кого-нибудь раздави.

Бармен смотрел на нас в шоке. Тим хотел что-то добавить, добить.

Но я не стала выслушивать весь этот бред, и поспешила уйти раньше, оставив этот конфликт за дверью бара, прежде чем кто-то опомнился. До сих пор не понимаю, зачем ударила его. Он ведь старался защитить меня.

Выйдя, я еще раз посмотрела на море. Оно было всё тем же – равнодушным, бесконечным. Но теперь в нём было что-то новое – отзвук незнакомых глаз и незнакомого города, который уже успел мне нахамить.

***

Я гуляла, когда город уже зажёгся — окна, вывески, фонари. Сан-Диего ночью оказался не лучше Чикаго: те же люди, те же проблемы, только с пальмами.

В баре я так и не разобралась, что это было. Слишком много всего в голове. И слишком много его. Тим. «Какая же ты красивая, но дрянь». Кто вообще говорит такое незнакомым девушкам? И почему, я наворачивала круги по пляжу и повторяла это про себя, как припев?

Дома меня встретил запах шампанского и мамина улыбка — та, виноватая.

— Лекси. Присядь на минутку.

— Что ж, хорошо? — Я немного опешила, она никогда напрямую не давала мне указаний, но у меня совершенно не было сил удивляться, спорить с ней, да и к чему.

— Садись, пожалуйста. Она повторила, будто подумав, что мне непотянен тон и мотив с первого раза.

Я села напротив, когда она опустошила бокал до конца, и глянув на меня, взяла в руки салфетку, принявшись нервно ее крутить, как будто в ней были ответы.

— Я хочу извиниться. За дневное. Я не должна была… — она вздохнула. — Знаю, что переезд ранил тебя. Знаю, что ты злишься. И это честно. Я не хотела тебе навредить.

Ого. Элеонора Эмерсон извинилась. Можно смело отмечать даты в календаре.

— И есть новость, — она оживилась. — Я хочу познакомить тебя с одной семьёй здесь, очень приятные люди. У них есть сын примерно твоих лет. Сходим к ним в гости завтра. Пожалуйста. Для меня.

Вот так Элеонора и работает: сначала иголку, потом морковку. Но я была слишком вымотана, чтобы воевать.

— Ладно, — сказала я. — Сходим.

Она просияла так, будто я подписала договор на миллион. Мы ужинали — что-то из коробки, пахнущее больше попыткой, чем вкусом, — молча и почти мирно. Цивилизация.

После ужина я ушла к себе в комнату. Легла, не раздеваясь, и закрыла глаза.И ничего.

Комната была тихой, океан шумел за окном где-то далеко, и вместо сна я получила его. Карие глаза. Холодный взгляд. Скулы, о которые можно порезаться. «Красивая, но дрянь». Какая же ты красивая, но дрянь. Красивая, но…

— Заткнись, — сказала я вслух потолку.

Потолок не ответил. Уважаю.

Я лежала и прокручивала его, как дурацкую песню на репите. Как он прошёл мимо меня. Как посмотрел на бармена так, что тот забыл, кем притворялся весь вечер. Как наклонился, и мышцы под футболкой натянулись, и я поймала себя на том, что смотрю. Как стоял рядом — близко, слишком близко, — и от него пахло такими тягучими духами, дорогими, сладкими и чем-то ещё, чем-то, что не надо слышать носом, чтобы запомнить. Тепло его кожи потом сменилось теплом от моего удара — и это оказалось хуже всего. Я до сих пор помню, какая у него щека на ощупь. Плохо. Плохо. Чёрт.

Лёгкое возбуждение гуляло по коже — тот нервный зуд, когда в жизни вдруг появилось что-то интересное впервые за месяц. И я не стала его прогонять — впервые за неделю позволила себе не быть разумной. Балкон остался открыт, воздух вползал в комнату тёплый, солёный, с тем самым ночным запахом цветущего. Я перевернулась на бок, подтянула колени, обхватила подушку — и представила, что это не подушка. Что это его руки, которые вот-вот найдут меня, его тепло, тяжёлое и наглое, его голос прямо над ухом. Я запретила себе воображать его лицо, а тело всё равно знало: у этого воображения есть имя. Карамельные глаза, которые не смотрят на меня — смотрят сквозь, — а потом вдруг смотрят прямо, и в них столько

всего, столько желания, что у меня перехватывало дыхание, и я уткнулась лицом в подушку, чтобы не застонать в пустой квартире.

— Тим, — прошептала я в темноту. Услышала себя — и устыдилась. — Дура.

Я отмахнулась от себя, как от надоедливой мухи. Перевернулась на спину, натянула одеяло до подбородка. Он хамло. Красивое хамло — худшая разновидность, повторяю для себя, как заклинание. Но тело не заклинаний слушается. Тело помнит, как он нависал над барменом, как в нём не было ни капли ярости — только холод, и как этот холод почему-то обжигал меня сильнее, чем любая нежность. Впервые за очень долгое время я чувствовала себя живой, живой и горячей, и не знала, что с этим делать. Может, в городке, где ничего не должно происходить, случается неожиданное, отчего вздрагиваешь в постели и до утра не можешь понять — от страха или от чего-то другого.

Это не любовь. Так не бывает. То, что я чувствую, — это просто влечение. Гормоны, соль, слишком много неона. Утешающая мысль.Но с этой утешающей мыслью я всё равно пролежала до двух ночи.

И когда сон наконец добрался до меня — тихо, по-соседски, не предупредив, — последнее, что я видела, было не потолком. Карамельные глаза, которые смотрели сквозь меня.

И вдруг — прямо, в упор.

Чёрт.

2Зефиры - Легкий, теплый ветер.

Глава 3. Город, где мы нашли друг-друга

Лекси

Утро второго июня пахло утюгом.

Элеонора гладила шёлковую блузку так сосредоточенно, будто от складок зависел мировой порядок. Восемнадцать мне исполнилось еще до переезда, в январе, но лучший подарок к совершеннолетию: чемодан, развод родителей и один город, в котором я не знаю никого, включая себя. Мама тогда обняла меня и сказала: «Теперь ты взрослая, и всё наладится». Взрослая. По документам. По ощущениям — реквизит, который забыли в Чикаго.

Мы выехали, когда уже вечерело. Мама готовилась к этому ужину, как к чему-то грандиозному, словно это первое воодушевляющие событие за последние годы.

— Бруно занимается недвижимостью. Как отец, только крупнее. У них было пару совместных сделок, когда ты была ребенком. Мама его жены, Ханна, — прелесть. И сын у них… — она глянула в зеркало заднего вида, — примерно твоего возраста.

— Мам, я помню. Продаётся вместе с домом, с гарантией от жучков.

— Лекси, они очень приятные. — Мама краткой глянула на меня, в попытке пристыдить меня за сказанное. Но тут ее озарила новая эмоция. Черт

— Мам. Нет.

Она улыбнулась и отвела взгляд, пытаясь показаться загадочной. Но я уже знала этот трюк. Она смотрела на меня таким взглядом всякий раз когда я приводила Дилана, своего бывшего в гости.

— Я не говорила «свадьба», я сказала «сын».

— Ты сказала это голосом «свадьба». И я закатила глаза.

Дом, к которому мы подъехали, был не домом. Это была декларация. Белый, три этажа, ворота, по которым понятно: лестницу здесь чистят чаще, чем разговаривают. На подъездной дорожке — той же породы, что и у нас, только дороже, — стоял ещё один автомобиль. Чёрный. Дорогой до тошноты.

— Хорошая машина, — сказала я.

— Это машина Бруно. Не говори при нём ничего лишнего.

— Мам, а когда ты научилась говорить со мной как с сообщником?

Она не ответила. Просто взяла мой локоть и повела к двери — жест отчасти материнский, отчасти режиссёрский. Сцена, костюмы, актёры. Мама пришла на просмотр.

Дверь открыла женщина, и я поняла, что такое идеальная хозяйка: Ханна Фишер выглядела так, будто её собирали по каталогу — одновременно «успешная жена» и «девочка из частной школы», и оба образа гладко сшиты на спине. Пахло от дома ванилью и деньгами. Деньги пахнут всегда — не вонью, а холодом.

— Элеонора! — Ханна обняла маму, поцеловала в щёку и повернулась ко мне. — А это твоя девочка?

— Лекси. Моя Лекси.

— Какая бледная, — сказала Ханна с восхищением. — Как фарфор. Здесь таких нет, в этом весь шарм.

Фарфор. Запишу. Второй раз за неделю кто-то оценивает меня на предмет бьющегося.

Мы прошли в гостиную — белые диваны, стекло, вид на океан, будто кто-то украл у меня балкон и повесил в чужом доме. Мама и Ханна ушли в мамино «мы в Чикаго так мило проводили вечера», а я осталась разбирать интерьер глазами. Картины, награды, предметы искусства. На полке — фотографии, мальчишки: темноволосый — старше, собранный, с отцовским подбородком, и второй…

Второй.

Карамельные глаза с фотографии смотрели на меня, и я чуть не поперхнулась воздухом.

Не успела. Потому что в гостиную вошли трое. Первым — мужчина в сером; костюм на нём сидел так, будто кроился из страха. Давление исходило не от роста — от чего-то внутри. Он пожал маме руку и мне протянул — коротко, оценивающе, как столовую ложку проверяют на прочность.

— Бруно, — сказал он и всё.

— Лекси, — сказала я.

— Эмерсон. Слышал о вашей фамилии. Печально, что... — он не договорил. Он вообще не договорил ни одной фразы за весь вечер. Человек, который не заканчивает предложения, — потому что окончание должно быть очевидно любому.

За ним вошёл парень — тот, с фотографии. Тёмноволосый, собранный, подбородок отцовский, улыбка наклеена ровно, как обои.

— Дамиан, — представился он, глядя мимо меня на маму. — Очень приятно.

И третьим вошёл Тим.

Секунду в гостиной ничего не происходило. Потом он меня увидел — и остановился на полушаге. И выдал — с той самой ленивой интонацией, от которой у меня вчера в баре чесались ладони:

— О. Голубая лагуна.

Вот сука.

— О. Хамло, — ответила я.

— Лекси! — мама повернулась с ужасом вежливости. — Это Тим. Это семья, к которой мы…

— Я поняла, куда мы пришли, мам. Диагноз ясен с первого взгляда.

Ханна просияла: «Вы знакомы?» Мама налилась краской переспросила: «Знакомы?» И только Тим и я знали, что «знакомы» — это слишком громкое слово для человека, который вчера на меня орал в баре, а сегодня должен есть с ним один стол.

— Встречались мельком, — сказал Тим. — Город маленький.

— Крошечный, — подхватила я.

Ханна издала звук «ой», Бруно медленно поднял бровь — единственный мускул, который разрешил себе двигаться. Дамиан смотрел на брата с непониманием: в его мире, видимо, девушки не огрызались, а улыбались в нужных местах.

Дальше все сделались вежливыми. Ханна пригласила к столу, Бруно двинулся первым — по тому, как расступались перед ним даже стены, я поняла: в этом доме его слово — закон, а молчание — прецедент.

Ужин был из тех, за которые стыдно маме: дорогое вино, правильные бокалы, разговор о погоде, переходящий в разговор о рынках. Дамиан вёл себя как дубликат отца — даже руки положил на стол в той же позе. Ханна улыбалась. Мама смеялась в нужных местах — она умеет, за восемь лет в театре можно выучиться смеяться по нотам.

Бруно допрашивал меня. Ровным голосом, без злобы:

— Чем занимался ваш отец в Чикаго?

— Ничем особым, сэр. Бизнесом.

— Каким?

— Недвижимостью. Мне было четырнадцать, когда я в последний раз спрашивала.

Мама зазвенела бокалом, Ханна засмеялась, Дамиан скрипнул зубом. А Бруно посмотрел на меня. Долго. Как бухгалтер смотрит на баланс с ошибкой на первом листе — не со злостью, с расчётом, где исправить.

— Умная девочка, — сказал он наконец. — Слишком умная. Это лечится возрастом или деньгами. В вашем случае — скорее вторым.

— В нашем случае, — сказала я, — уже лечили. Говорят, помогло.

За столом стало очень тихо. Мама сжала под столом моё колено — мол, замолчи, — и впервые за месяц этот жест не разозлил меня, а напугал.

— Ты всегда так со взрослыми разговариваешь? — спросил Тим. Спокойно. Через стол. Глаза — в упор.

— Только с теми, кто разговаривает со мной как с ковриком.

— Может, не стоило бы. Коврики в этом доме меняют чаще, чем мнения.

— Тогда тем более не страшно. Запасной коврик у меня в сумке.

Дамиан хмыкнул — первым и единственным живым движением за вечер. Ханна сказала «ой, дети» так, будто это объясняло всё на свете. Мама сделала лицо «мы обсудим это дома». Обсудим. Дома у меня теперь тоже обсуждаемо — тридцать два метра обсуждаемости, если точнее.

Внезапно Бруно что-то сказал Дамиану — «завтра к десяти» — и Дамиан, стянув салфетку, встал, извинился и вышел. Тим остался. Он поднял глаза на меня — на секунду — и я прочла в его взгляде что-то, что переворачивало вчерашний бар с ног на голову.

Взрослые вышли из-за стола, Ханна повела маму в сад «показать розы», и мы остались в гостиной одни, ну еще недопитые бокалы. Тим сидел напротив. Молча. Когда мама прикрыла за собой дверь — легко, без стука, как человек, который делает это тысячу раз в день и ни разу не спрашивал разрешения. Он встал, и медленным шагом начал обходить стол. Я не желая быть загнанной в ловушку, сделала тоже самое, встала и начала отходить. Цепляясь за край топика.

— Ну что, дрянь, — сказал он, — расскажешь, зачем ты меня отхлестала?

— Отхлестала? Ты чуть не забил человека насмерть. Стакан за это не полагается.

— Он первый полез.

— Я видела. И видела, что ты мог остановиться. Но ты не захотел. Тебе понравилось.

Он усмехнулся — коротко, зло — и шагнул ближе.

— Мне понравилось? — голос упал на полтона. — Ты не понимаешь с кем разговариваешь, уж тем более не знаешь о моих интересах. И ты вообще не понимаешь что этот тип делал? С каждой новенькой ничего не меняется, один и тот же трюк. Коктейль, шутки, «расслабься, мы же на пляже». Я видел этот сценарий десятки раз. И в этот раз он шёл по тебе, а ты стояла и вежливо слушала. Как паинька.

— Я не паинька.

— Была. Судя по лексике — чикагская частная школа, правильные гласные, шок от мужской руки на стойке. Пай-девочка в бегах. И знаешь, что самое смешное? Ты ударила не его. Ты ударила меня. За то, что я делал то, чего тебе самой не хватило смелости.

Ударило. Точно в печень.

— Ты орал на него, а потом на меня. Это не спасение, Тим, это цирк с одним зрителем.

— А ты — клоунесса, которая лезет между двумя мужиками и получает по лицу слово. Честная сделка. Он сократил расстояние. Думал, я не замечу?

— Подлая сделка.

— Тогда ударь ещё раз.

— С удовольствием.

Я замахнулась — не всерьёз, на грани жеста, — и он поймал мою руку. Не грубо. Быстро. Как ловят то, что собирались поймать. И вдруг стало тесно. Он посмотрел на меня — и спина моя встретила стену. Гостиной, гостиную, всё равно как правильно — холодную, с дорогими обоями, которые наверняка стоили как вся моя чикагская жизнь.

Его ладонь — над моим плечом, в стене. Вторая так и держала моё запястье, поднятое между нами, как трофей.

Мы стояли вплотную. Дышать было негде — не потому что он сжимал, а потому что воздух между нами кончился. Он смотрел сверху вниз, я — исподлобья, снизу вверх, через ресницы, через ярость, через всё.

— Что ты будешь делать? — спросила я. Зря.

— Не знаю, — честно сказал он. И это было хуже любой угрозы. Он улыбнулся. Так стремно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.